

УДК 81'42

DOI 10.17223/19986645/28/7

И.А. Пушкарева

КОНТЕКСТЫ СО СЛОВОМ «ПРАВДА» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

Статья посвящена отражению в региональном медиадискурсе концепта «правда» одного – из ключевых в русской культуре. Материалом исследования является городская газета «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Рассматриваются способы и средства включения имени концепта «правда» в высказывание: предикатное употребление слова «правда», употребление слова «правда» в роли актанта, употребление слова «правда» как главного члена номинативных предложений. Представлены семантико-стилистические особенности трёх смысловых составляющих концепта: «правда факта», «правда мысли», «правда совести».

Ключевые слова: медиадискурс, газетно-публицистический текст, городская газета, концепт, семантико-стилистические особенности.

Концепт «правда» играет ключевую роль в медиадискурсе, что связано с функциональной природой СМИ и подтверждается данными частотных словарей [1]. Рассмотрим семантико-стилистические особенности употребления концепта «правда» в массовой городской газете «Кузнецкий рабочий» за последние три года (публикации представлены на официальном сайте издания <http://kuzrab.ru/>). В проанализированном материале мы находим три основные составляющие концепта «правда»: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» (далее в ряде случаев использованы сокращения ПФ, ПМ и ПС). Дифференциация этих составляющих соответствует данным толковых словарей и результатам концептуального анализа (см.: [2. С. 543–640]; [3. С. 455–471; 4; 5]). «Правде факта», «правде мысли» и «правде совести» в городской газете соответствует система семантико-стилистических особенностей. Рассмотрим их, учитывая способы и средства включения слова *правда* в высказывание.

С точки зрения включённости слова *правда* в высказывание отметим следующие случаи: 1) предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания; 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) единичные случаи – употребление слова *правда* в номинативном предложении.

Предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания, характерно для контекстов ПФ и ПМ. Используются две модели включения слова *правда* в высказывание: «логический субъект – оценочный предикат» и «высказывание – оценка его истинности».

1. Рассмотрим подробнее семантико-стилистические особенности реализации первой модели – «логический субъект – оценочный предикат». Ло-

гический субъект в данном случае характеризуется как субъект-нейтрал, который «является просто предметом информации» [6. С. 164].

Во-первых, отметим значимость модели «логический субъект – оценочный предикат» в пейоративных контекстах. Данная модель в медиадискурсе часто наполняется материалами с неодобрительной оценкой, в том числе разоблачающего, обвинительного характера: *Кстати, о фильме “Школа”. Мой сын, уже студент, смотрит все серии и говорит, что практически все, что там показывают, – правда* (ПФ; Виктория, 10.06.2010). В большей степени разоблачающий характер материалов характерен для контекстов ПФ: *И все, что пишет эта девочка, – абсолютная правда* (о неухоженности города; читатель, 18.10.2012); *Всё оказалось правдой* (о проблемах окружающей среды в пригородной зоне; М. Стахович, 24.08.2010); *Тем более что слух о “халявной” водке на участках под вывеской “Дегустация” оказался чистой правдой и посредством “сарафанного радио” разнесся среди любителей горячительного. Они стали, пожалуй, самыми активными посетителями мест проведения голосования* (А. Кириллов, С. Бабилов, 12.10.2010). Иной характер употребления отмечается в контекстах ПМ, где предикат *правда* включается в высказывания, построенные в генеритивном регистре (см. о нём: [7. С. 30]) и стремящиеся раскрыть особенности смыслового наполнения понятий: *А ложь, многократно повторенная, рано или поздно становится правдой, попробуйте поспорить с Йозефом Геббельсом* (С. Бабилов, 22.11.2011).

Во-вторых, обратим внимание на регулятивную роль рассматриваемой модели. Предикат *правда* в контекстах ПФ призван вызвать удивление адресата перед интересным, заслуживающим внимания феноменом и создать тем самым эффект фокусирования референта. Например, по мнению журналиста, читатель может быть удивлён творчеством М. Зощенко или судьбой новокузнецанок: *Невероятным образом все это может быть правдой в этом человеке и писателе (в случае Михаила Зощенко это вообще неразъемно), который был как-то чудовищно, просто дико популярен, потом столь же чудовищно обруган и запрещен, при этом будучи самым непрочитанным, самым непонятым писателем* (И. Бодхисатхва, 05.02.2010); *Отдельного уже потому, что эта летняя прогулка 1956 года юных сестер Пруговых – Зоя, Тося, Александра, Нина (слева направо) – по “броду” тогдашнего времени проспекту Энтузиастов в нарядных платьях и костюмах входит с этими воспоминаниями в такой режущий контраст (вот эта аккуратная девушка в годы войны – а прошло-то всего ничего! – работала машинистом молотилки, на стогомете, управляла трактором и конными граблями), что даже и не верится. А ведь все это было правдой* (С. Михайлов, 18.11.2010).

Экспрессия высказывания, включающего анализируемую модель, усиливается тем, что в материалах о «правде факта» и «правде мысли» логический субъект неоднократно выражается местоимением *всё* в значении имени существительного или определяется с его помощью, что является приёмом актуализации и передаёт авторскую модальность: *Важно не воспринимать его как фарс, ведь все написанное там – правда, преувеличенная до гротеска, иносказательно изложенная, но все-таки правда* (о новом романе П. Брюкнера «Мой маленький муж»; ПМ; Б. Кобзарь, 26.03.2011).

Вторая модель – «высказывание – оценка его истинности» – является наиболее распространённой и может быть включена как в авторское изложение, так и в чужую речь.

Во-первых, стилистическая роль данной модели в медиадискурсе отражает диалогичность текста. Адресант использует оценочный предикат не только для того, чтобы дать истинностную оценку. Сам факт подтверждения истинности уже связан с обращением к адресату: с одной стороны, введение оценки расставляет логико-смысловые акценты, управляя вниманием и пониманием адресата, с другой стороны, использование истинностного предиката *правда* может подчеркнуть искренность адресанта (о связи употребления слова *правда* с категорией искренности см.: [4. С. 490–492; 8]), создавая тем самым благоприятные условия для коммуникации.

Во-вторых, данная модель усиливает когезию. Преобладающая часть конструкций строится на основе анафорической связи, подчёркивающей тесную связь оценочного предиката с антецедентом, кореферентным местоимению («высказывание – оценка его истинности: *это правда*»). В роли антецедента выступает высказывание, передающее факт или мысль. В контекстах ПМ в роли антецедента в подавляющем большинстве случаев выступает чужая мысль, выраженная с помощью цитирования или пересказа. Мысль может не иметь определённого авторства: *Лейтмотив народного творчества – хлеб всему голова! И это правда. Хлеб на нашем столе – в будни и праздники* (Л. Соколова, 30.06.2010); *Говорят, что животные умеют быть очень благодарными. Это правда* (Г. Савин, 28.07.2011). В единичных контекстах ПМ предикат *правда* характеризует собственное суждение журналиста: *Однако город-курорт хорош именно мелкими, незаметными на первый взгляд диковинками. Здесь жизнь не бьет ключом, это правда, но отпуск, проведенный здесь, будет спокойным, неспешным* (О. Юрченко, 02.08.2011).

Отмечены случаи дистантного расположения высказывания с антецедентом и оценочного предиката. В этом случае анафорическая отсылка «держит текст», побуждая адресата к интеграции: *“Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются”* [заголовок]. http://www.kuzrab.ru/upload/medialibrary/dd3/053_06_2013.jpg *Так сформулировала тему юбилейного конкурса на лучший фантастический рассказ, посвященного 35-летию клуба любителей фантастики “Контакт”, член клуба Надежда Карпова (она, к слову, набрав 17 баллов, стала четвертой в конкурсе вообще и второй среди новокузнецких авторов). И это правда: иногда лучше не иметь желаний – так спокойней* (ПМ; Г. Соколухин, 16.05.2013). В контекстах ПМ значительно реже, чем модель «высказывание – оценка», встречается модель, где оценка предваряет высказывание. Такая конструкция играет роль зачина в смысловом развёртывании текстового фрагмента и усиливает антиципацию: *Это правда, что “нам не дано предугадать, как наше слово отзовется”*. *Постоянный читатель “Кузнецкого рабочего” пенсионер Геннадий Максимович Теплоухов, внимательно изучив рекомендации в рубрике “Записки доктора” по сердечным делам, решил поделиться собственным многодесятилетним опытом борьбы с пожизненным недугом* (М. Георгиева, 11.02.2010).

В-третьих, при передаче чужой речи использование модели «высказывание – оценка» позволяет журналисту создать образ носителя определённой

точки зрения, к которой и привлекается внимание. В этом случае оценочный предикат может находиться как в самой прямой речи, так и после неё – в авторском изложении, передающем оценку прозвучавшего: *“Пропадают шишаки с чугунных оград на Металлургов, Строителей”*, – подмечает Николай Алексеевич. *И это правда. Нет уже трех вазонов слева от входа в Сад металлургов* (ПФ; В. Немиров, 16.09.2010); *Светлана, пенсионерка: – Зиму нынче обещают суровую, это правда. Но претензий к коммунальным службам у меня нет* (ПФ; С. Смолякова, 04.09.2012).

В-четвёртых, отметим случаи возрастания регулятивной силы конструкции, в которой усиление акцента, переданного оценочным предикатом, создаётся с помощью субъективации изложения и включения экспрессивных средств. Субъективация изложения и включение экспрессивных средств в большей степени характерны для передачи «правды факта», но используются также и в контекстах «правды мысли». Отметим роль вводных и вставных конструкций: *В нем разве только не упоминается, что Джефферсон и Вашингтон были крупными плантаторами-рабовладельцами (что, кстати, тоже чистая правда)* (ПФ; А. Денисов, 10.11.2012); *Светлана Ивановна вообще много беседует с Сашей об Отечественной войне, о подвигах советского народа, о прадеде... “А на чем и ком еще можно воспитывать сегодня?” – говорит она. И это, к сожалению, правда: современная российская жизнь, увы, дает мало примеров для подражания* (ПМ; Г. Соколухин, 05.06.2010). Встречаются даже комиссивы: [Характеристика умного и грамотного боя] *Это правда. Можно подписаться под сказанным* (ПМ; Немироff, 18.04.2013). Но особенно характерен такой способ смыслового развёртывания, при котором истинность информации о референте представлена как удивляющая адресанта, неожиданная для него, благодаря чему референт хорошо фокусируется: *В субботу под мостом через Абушку на Металлургов резво копошились... утки. Сам глазам не поверил, но это правда. Чего они, родимые, пожаловали в такую рань, сказать трудно. Может, мамашка, коротавшая здесь тяжкие сибирские зимы, привела своих детей на, как говорят, малую родину* (ПФ; В. Немиров, 10.08.2012); *Мало кто помнит, что площадку перед кинотеатром “Октябрь” в свое время украшали два небольших круглых фонтана, окруженных цветниками. Сегодня, когда она превращена в стоянку автомобилей, в это трудно поверить, но это правда. Там, где нынче стоят афиши фильмов, располагались скамейки. Народ коротал время в ожидании сеанса, лакомясь мороженым и любуясь струями воды. Через дорогу, где сегодня находится администрация Центрального района, заседал горсовет* (ПФ; С. Михайлов, 16.04.2011). Субъективация изложения является характерной чертой идиостилия известного журналиста «Кузнецкого рабочего» В.А. Немирова, который также использует различные псевдонимы (в приведённом материале – Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Валерий Немироff, Иван Бодхисатхва, Григорий Саббакин).

Слово *правда* в роли *актанта* используется во всех контекстах: ПФ, ПМ, ПС. Для него характерно значение объекта, но встречается также и значение субъекта-нейтрала.

1. Слово *правда* в роли *субъекта-нейтрала* отличается рядом стилистических особенностей.

Во-первых, оно используется для представления значимой с точки зрения автора информации, которая фокусируется благодаря использованной конструкции (преобладают контексты ПМ, привлекающие внимание к содержанию мысли): *Покупатель думает, что это огурец, но у продавца другая правда* (ПМ; М. Таран, 28.06.2013); *Но у их оппонентов тоже своя правда. В России практически не существует безотходных и малоотходных производств, поэтому обычно выбирают компромисс между необходимостью и достаточностью* (ПМ; В. Сенкус, 28.02.2012); *Хотя, может, в этом соединении и есть своя сермяжная правда: свадьбы у нас – настоящие ярмарки тщеславия с лимузинами и прочими признаками жажды всех переплюнуть* (ПМ; Г. Соколухин, 20.10.2011).

В контекстах с противопоставлением *правда* – *ложь* с помощью конструкции, где слово *правда* выступает в роли субъекта-нейтрала, происходит «обнажение» некоторой информации, что характерно для образа размышляющего журналиста и для духа «расследовательской журналистики» (преобладают контексты ПФ): *Признаться, меня эта дешевая доморощенная порнушка ни в чем не убеждает, более того, я думаю, что это – ложь. Правда же в том, что “абсолютная власть разлагает абсолютно”. То есть если бы Берия захотел вести себя, как описывают порнушники, то сделал бы это спокойно, ничего не боясь* (ПМ; С. Михайлов, 24.03.2011); *Лживая пропаганда, что человек, покинувший Россию, предатель, не вытесняла у меня восхищение талантом Мондрус. А правда была такова, что певица, вытесненная со сцены в родной стране, нашла в себе силы преодолеть трудности в чужой стране и заниматься своим любимым делом* (А. Мананников, 26.05.2011); *Правда же в том, что тариф для таких абонентов увеличится на 40 процентов с начала 2013 года* (Ю. Голубева, 31.08.2010).

Во-вторых, отметим, что для контекстов ПМ характерна координация субъекта-нейтрала *правда* с разнообразными по семантике сказуемыми. Это семантика выражения правды: *И вместе с тем даже там, где она, казалось бы, находится в полном умиротворении, непрямо, подспудно звучит правда о зыблемости человеческого счастья, которое, кстати, в ее стихах не какая-то длительная полоса света, а лишь кратковременные сполохи зарниц* (Г. Кузнецов, 27.12.2011). Обратим внимание на контекст, в котором использована стилистически значимая трансформация устойчивого выражения, создающая метонимический контекст: *Что касается личных впечатлений, то отмечу главное: глазами ребят глаголет правда – они искренни, непосредственны, их взгляд свеж и незаёмен, они говорят, что думают. Что же касается мастерства, то оно – дело наживное, надо только вложить в ребят огонь творчества, а самим им работать, работать. Рецепт прост* (С. Михайлов о выставке работ юных фотографов, 11.03.2010). Выражена также семантика восприятия правды, а также способов её получения и распространения в социуме: *Печально, однако, сознавать, что правда “наверху” может быть востребована, обнародована и воспринята “снизу” лишь как элемент кампании по чьей-либо дискредитации* (А. Денисов, 18.09.2010).

Особое место занимают контексты ПС, в которых рассматриваемая конструкция используется редко, но отличается большой семантико-стилистической нагрузкой. В них подчёркивается воплощение правды как акт

высшей справедливости: *Мы сильны мнением наших читателей. Особенно таких специалистов, каким был и, безусловно, является Владимир Михайлович Вальтфогель. И, когда ошибаемся, всегда готовы выслушать поправку. Это дисциплинирует, заставляет тщательнее работать над фактами. Но главное – в таких случаях торжествует правда: ведь однажды оставленная без внимания ошибка начинает тиражироваться, приниматься за истину в первой инстанции. То есть мы в ответе за будущее, в котором наше сегодняшнее может быть искажено. Так нельзя* (С. Михайлов, 13.06.2013). Актуализация создаётся благодаря экспрессивной окраске глагола и использованию конструкции, достаточно редкой для русской речи, по наблюдениям О.Б. Абакумовой: в русских пословицах компонент правда «занимает позицию Актора только в 20 % типовых ситуаций, представленных пословицами. Правда выступает как участник, контролирующей ситуацию, только если говорящий приписывает ей качественные могущества, качественные ценности, отдаёт ей предпочтение по сравнению с ложью (кривдой). В остальных случаях русская правда выступает в макророли Претерпевающего» [9. С. 12].

2. Большим разнообразием отличается употребление слова *правда* в позиции **объекта**, особенно в контекстах ПС.

Во-первых, отметим преобладание контекстов, представляющих различные речеповеденческие акты (см. о них: [2. С. 588–592]): *сказать* (ПФ, ПМ, ПС), *говорить* (ПФ, ПМ, ПС), *писать* (ПМ, ПС), *петь* (ПМ), *ответить* (ПФ), *предъявить* (ПФ). Данные контексты неоднократно использованы при передаче чужой речи: *Мое первое посещение Привоза было сорок лет назад. Тогда, поверьте мне, Привоз был еще времен Бени Крика и Давида Ойстраха. Именно здесь я услышал незабываемый монолог торговки: “Люди! Если вы зададите вопрос, у кого здесь можно купить свежую рыбу, то я ответчу вам **правду**, какой бы горькой она ни была: у меня, и только у меня!* <...>” (ПФ; Б. Кобзарь, 24.12.2011). Речеповеденческие контексты, выражающие оценочную позицию, доминируют при передаче ПС, часто используются при передаче ПМ, встречаются и при передаче ПФ: *Словом, выборы минули, и правительство может предъявить всю нелицеприятную **правду** о действительном положении в Пенфонде <...>* (ПФ, ПМ; М. Часовских, 31.07.2012); *Враждебность эта состояла в том, что какой-нибудь “Аквариум” или “Урфин Джус” пел не о процветающей родине развитого социализма, а о безобразиях, которые на ней творятся, – пели **правду**, а она была неприятной* (ПМ; В. Немиров, 11.02.2010); *И вот тут Федор Михайлович [Жилин] допустил непростительный промах: он сказал проверяющим **правду**. Сообщил им, при высоких должностях и столь же высоком самомнении, что ни они сами, ни председатель департамента, ни какой другой чиновник не имеют права проверять средства фонда* (ПМ; С. Бабилов, 16.04.2012).

В контекстах ПМ и особенно ПС на первый план выходит не истинностная, а нравственная оценка (см.: [2. С. 591]. Речеповеденческий контекст *скрывать правду* (ПФ, ПМ) квалифицируется отрицательно (именно отрицательная этическая оценка сокрытия правды является основной с точки зрения логического анализа языка Н.Д. Арутюновой [2. С. 591–592]): *Тем более что современные фильмы о войне, в большинстве своем снятые по типу голливудских боевиков, скорее скрывают, нежели открывают **правду** о войне*

(В. Валиулин, 22.04.2010) (использованный глагол-антоним *открывают* выражает план должного). Глагол *скрывать* в представлении ПФ связан с характерной для журналистики манерой интригующего изложения: <...> *ас-трономы скрывают правду от простых людей* (Л. Ковякина, 31.07.2012). Использование глаголов *вскрывать*, *раскрывать* в контекстах ПФ, ПМ, ПС связано с темой восстановления справедливости: *Городской комитет участников войн и военных конфликтов провел в вузах города несколько конференций, на которых попытался раскрыть ту правду о войне, которая представляется им наиболее истинной. Один из организаторов этих конференций, председатель комитета полковник в отставке Юрий Павлович Алябьев, пришел к краеведам, чтобы рассказать о своем видении ситуации. Юрий Павлович, что называется, без раскочки, по-военному четко и напористо начал “сражение” против молодежного невежества и взрослого затушевывания правды* (В. Валиулин, 26.05.2011). Семантико-стилистическая нагрузка контекстов подчеркнута использованием контрастирующих по семантике слов: *раскрыть – затушёвывание* (затушевать – «перен. Сделать менее заметным, замаскировать») [10. С. 207]). Глаголы *скрывать*, *вскрывать*, *раскрывать* и отглагольное имя существительное *затушёвывание* тесно связаны с эпистемическими контекстами.

Во-вторых, отметим использование эпистемических контекстов (см. о них: [2. С. 597–598]). В рассмотренном материале используются контрастирующие по семантике глаголы *узнать* и *(не) знать* (ПФ, ПМ, ПС). Незнание правды оценивается неодобрительно. В частности, как причина, определяющая невозможность наказать виновных: *Говорят, стоят баки хороших денег. И потому группа нам не товарищей промышляет тем, что быстренько снимает их с площадок дворов и продает, допустим, в частный сектор за полцены. Работы на час, а навар неплохой. Это версия. Правды мы не знаем* (ПФ; В. Немиров, 04.01.2013). Знание правды оценивается как необходимое условие для нравственного суда: *раскрытая информация «касается больше всего тех дел и деяний людей, по которым они судятся»* [2. С. 598]. Например: *Узнав правду, его младший сын Крис (Алексей Савченко), до того момента гордившийся отцом, требует не просто ответа от него – требует, чтобы тот добровольно пошел в тюрьму* (ПФ; Т. Тюрина, 15.10.2011); *Все правильно: тому, кто хотел бы узнать некую правду о гибели группы Дятлова, ходить на фильм “Тайна Перевала Дятлова” не стоит* (ПФ, ПМ; Г. Саббакин, 14.03.2013).

Духу журналистики соответствует особенность эпистемических контекстов со словом *правда*: «...правда в эпистемическом контексте не может относиться к новым данным, она может относиться только к новой для одних, но известной другим (или ранее бывшей известной) информации» [2. С. 598]. Приведём пример с контекстом *возвращение правды* (ПФ), значимым в воплощении темы исторической правды: *Собственно, книга Ростислава как раз возвращению памяти и была посвящена – точнее, возвращению некоей правды, она бывает горькой* (С. Михайлов, 07.05.2011). В подобном контексте употребляется и выражение *находить правду* (ПФ и ПМ): *“Светлана не может быть отличницей, – улыбается моему вопросу о школьном табеле своей воспитанницы Ольга Викторовна, – такие дети ищут и думают, они*

находят сами суть и **правду** (ученица Сидоровской школы по фотографиям восстанавливает историю родного села; Е. Белокурова, 04.08.2012).

В рассмотренном материале среди эпистемических контекстов важную роль играет фразеологизм *смотреть правде в глаза (лицо)*, характерный прежде всего для контекстов ПМ. Журналисты предпочитают побудительное употребление данной конструкции, создающее эффект анонсирования следующей информации. Изложенная информация обозначает определённую проблему: *Давайте **посмотрим правде в глаза** – канадский хоккей сейчас на первых ролях* (В. Германский, 20.07.2013); *Болельщики покидали стадион разочарованные поражением любимой команды. Но необходимо **смотреть правде в лицо**: середняк премьер-лиги закономерно обыграл лидера зоны “Восток” второго дивизиона* (Д. Черский, 19.07.2011); *Очнитесь от своих радужных мечтаний и **посмотрите правде в глаза**. А правда в том, что и существующие сейчас тарифы у вас завышены. Доказательства? Да пожалуйста!* (В. Ёлгин, 03.03.2013); *Короче говоря, в нынешней ситуации – надо **смотреть правде в глаза** – продолжение МММ-2011 невозможно <..>* (РИА «Новости», 19.06.2012); *Геологи, геофизики, геохимики, гидрогеологи изучают процессы, происходящие в земной коре, в том числе и на шахтных полях. Но где оно сейчас, это изучение? Давайте **смотреть правде в глаза**: в последние годы практически все работы заморожены, словно наступил ледниковый период* (Д. Николаев, 07.09.2010).

В-третьих, отметим важную семантико-стилистическую роль контекстов ПС, в которых из высказываний, включающих слово *правда* со значением объекта, создаются два ассоциативно-смысловых комплекса: «*Служение правде*» и «*Отступничество от правды*». Под **ассоциативно-смысловым комплексом** (далее – АСК) понимается группа лексических репрезентантов ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.

Большее количество лексических репрезентантов связано с АСК «*Служение правде*». Благодаря данным контекстам человек предстаёт перед нами как правдоискатель, который не только стремится найти правду, но и готов жить по правде, нести её людям, бороться за правду. Например: *И не сможет эта жительница наказать УК, так как она не знает, как это сделать, и по судам ей некогда ходить, **правды** искать. Поэтому управляющие компании и не боятся ничего* (В. Ёлгин, 17.05.2012); *У нас вообще где-нибудь законы соблюдаются? Какому-нибудь суду можно верить? Где-нибудь можно найти правду? И не ту правду, которая устроила бы власть предрержащих, а истину, которая обличала бы виновных в преступлениях и оправдывала невиновных* (читатель, 14.07.2011); *Но потребители у нас любят правду. И если уж они должны платить настоящие деньги за ОДН, так и примеры им нужны реальные...* (Л. Остапенко, 02.11.2012); *Наперекор царящей лжи он [Владимир Высоцкий] нес людям **правду** и делал это до самого конца* (А. Мананников, 26.07.2012). Наиболее детализирована тема защиты правды. Наряду с глаголами (*добиваться, добиться, отстаивать, погибнуть (за)*) слово *правда* соседствует также с именами существительными (*радетель (за), ревнитель*), в том числе метафорически передающими смысл борьбы: *Труд нелегкий да и не всегда благодарный. Впрочем, наивысшая благодарность для нас – то, что нашу газету читают и ждут, нам верят, к нам обращаются*

за помощью, в нас видят защитников на последнем рубеже правды (А. Ночка, В. Немиров, 12.06.2010). АСК «Служение правде» включает также речеповеденческие и эпистемические контексты, отражающие нравственный аспект выражения и познания правды.

Правда как сакральное начало, дающее силы жить по-человечески, представлена с помощью метафор источник правды (языковая метафора) и глоток правды (индивидуально-авторская метафора): <...> газету “Кузнецкий рабочий”, которая является достопримечательностью и старейшим печатным изданием города, единственным источником правды и справедливости, доводящим до жителей города истину бытия нашего, гнобят (Г. Бор, 08.08.2011); Можно сказать, что сегодня “Кузнецкий рабочий” – свежий глоток правды в душной атмосфере “непрозрачности” жизни нашего города. Солидарен с его истинным пониманием своего гражданского долга перед простыми новокузнецчанами (А. Мананников, 16.02.2010). Характерно, что метафоры, в целом достаточно редко используемые в рассмотренном материале, включены именно в контексты читательских размышлений о миссии журналиста в обществе.

АСК «Отступничество от правды» с помощью использованных лексических средств развёртывается в нескольких направлениях: страх перед правдой: А вообще ситуация, когда власть боится своего народа, боится правды, боится гласности, – постыдна. Люди должны иметь право говорить и слышать друг друга! (С. Бабинов, 09.07.2011); гонения против правды: Рекламные агентства по-своейски “справились” с задачей: на плакатах в честь учреждения в 1941 году Кузнецкого района красовался... новенький, как с иголки, Спасо-Преображенский собор. Более изоцирённого издевательства и надругательства над правдой трудно придумать... (Е. Артюх, И. Басалаева, Е. Макарачева, В. Паничкин, 23.04.2012); равнодушие к законам правды (вероятно, самое страшное состояние): Верное рядом с неверным при непонимании этого верного приводит слабый ум к неразличению добра и зла, правды и лжи (А. Сазыкин, 10.03.2012).

Наконец, ещё один способ включения слова *правда* в высказывание – это его **использование в номинативных предложениях**, что соответствует эффекту экспрессивного анонсирования информации, значимого для медиадискурса. В данном случае преобладают контексты ПФ. Например, текст с названием «Голая **правда**» (номинативное назывное предложение) начинается следующим образом: http://www.kuzrab.ru/images/2012/006_2012/Image003.jpg Эти трубы стали уже притчей во языцех. Вот в таком ободранном виде они уже который год обогревают воздух в районе школы № 91 (Л. Кулето, 19.01.2012). В данном случае эффект языковой игры создаётся благодаря многозначности эпитета и усиливается с помощью фотографии. Экспрессивное анонсирование значимо и в шутовском контексте о выступлении музыкальной группы: Однако это лирика, а вот и суровая **правда** жизни. В открывавших значилась группа “Mercedes”. Говорят, машина такая есть... или группа... или машина... Но, впрочем, неважно. Главное – мальчишки старались. Их знакомым понравилось, а это же главное... (номинативное указательное предложение; П. Владимиров, 16.09.2010). Интересно, что сам эффект экспрессивного анонсирования информации может стать предметом пародиро-

вания: Любопытно и забавно, что сами создатели некоторых подобных телепроектов позиционируют их не иначе как “программу для семейного просмотра”. Что же в таком случае может увидеть обычная среднестатистическая семья в том же “Чистосердечном признании”? – Шокирующая **правда**. Дело продолжателя Чикатило (номинативное бытийное предложение; Е. Видалов, 04.03.2010).

Таким образом, современный региональный медиадискурс представляет три составляющие концепта: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести». Каждая из смысловых составляющих обладает семантико-стилистической спецификой включённости имени концепта в высказывание, при этом дифференцируются следующие случаи употребления имени концепта: 1) предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания; 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) единичные случаи – употребление слова *правда* в номинативном предложении.

Предикатное употребление слова *правда* характерно для контекстов «правды факта» и «правды мысли» и реализуется в моделях «логический субъект – оценочный предикат», «высказывание – оценка его истинности». Ю.С. Степанов выводит слово *правда* как предикатное, «никакой особой сущности не выражающее, а означающее лишь признак “истинность”, “истинно”» за рамки концепта «Правда – Истина» [3. С. 465]. Однако в медиадискурсе актуализация значений ПФ и ПМ в предикатном употреблении слова *правда* очень важна: связана с образом журналиста (и издания), передающего достоверную информацию, и подчёркивает значимость определённого круга тем.

В семантико-стилистической реализации первой модели значима связь с пейоративными контекстами, в том числе разоблачающего, обвинительного характера. Регулятивная сила модели «логический субъект – оценочный предикат» связана с эффектом фокусирования референта и возрастает при использовании местоимения *всё*. Вторая модель является наиболее распространённой и отражает диалогичность газетно-публицистического текста: автор, выражая истинностную оценку, не только расставляет логико-смысловые акценты, но и подчёркивает искренность общения. Модель «высказывание – оценка его истинности» играет важную роль в формировании текстовой когезии. В этом плане особенно значимы конструкции с анафорической связью, в которых в роли антецедента выступает высказывание, передающее факт или мысль. Использование модели «высказывание – оценка его истинности» при передаче чужой речи позволяет журналисту создать образ носителя определённой точки зрения, к которой и привлекается внимание. Регулятивная сила рассматриваемой модели возрастает благодаря субъективации изложения и включению экспрессивных средств, что в конечном итоге служит для фокусирования референта.

Слово *правда* в роли актанта используется во всех трёх рассматриваемых типах контекстов: реже в роли субъекта-нейтрала, в преобладающем большинстве случаев – в роли объекта. Подлежащее, выраженное именем существительным *правда*, помогает авторам фокусировать информацию, представлять её как значимую (в данном случае преобладают контексты ПМ, привлекающие внимание к содержанию мысли). В контекстах ПФ чаще, чем в кон-

текстах ПМ, с помощью конструкции, где слово *правда* выступает в роли субъекта-нейтрала, происходит «обнажение» некоторой информации, что характерно для духа «расследовательской журналистики». Для контекстов ПМ характерна координация субъекта-нейтрала *правда* с разнообразными по семантике сказуемыми (выражения и восприятия правды, способов её получения и распространения в социуме). Особое место занимают контексты ПС, в которых рассматриваемая конструкция используется редко, но отличается большой семантико-стилистической нагрузкой: подчёркивается воплощение правды как акт высшей справедливости (*правда торжествует*).

Большим разнообразием отличается употребление слова *правда* в позиции объекта, особенно в контекстах ПС. Отметим преобладание контекстов, представляющих различные речеповеденческие акты: *сказать* (ПФ, ПМ, ПС), *говорить* (ПФ, ПМ, ПС), *писать* (ПМ, ПС), *петь* (ПМ), *ответить* (ПФ), *предъявить* (ПФ). Данные контексты неоднократно используются при передаче чужой речи. Речеповеденческие контексты, выражающие оценочную позицию, доминируют при передаче ПС, часто используются при передаче ПМ, встречаются и при передаче ПФ. В контекстах ПМ и особенно ПС на первый план выходит не истинностная, а нравственная оценка. Речеповеденческие контексты *скрывать правду* (ПФ, ПМ), *затушёвывание правды* (ПС) квалифицируются отрицательно. Им противопоставляются контексты с глаголами *вскрывать*, *раскрывать* (ПФ, ПМ, ПС). В эпистемических контекстах используются контрастирующие по семантике глаголы *узнать* и *(не) знать* (ПФ, ПМ, ПС). Незнание правды оценивается неодобрительно, знание правды, напротив, – как необходимое условие для нравственного суда. В рассмотренном материале среди эпистемических контекстов важную роль играет фразеологизм *смотреть правде в глаза (лицо)*, характерный прежде всего для контекстов ПМ. Журналисты предпочитают побудительное употребление данной конструкции, создающее эффект анонсирования следующей информации, при этом изложенная информация обозначает определённую проблему. Отметим важную семантико-стилистическую роль контекстов ПС, в которых из высказываний, включающих слово *правда* со значением объекта, создаются два ассоциативно-смысловых комплекса: «*Служение правде*» и «*Отступничество от правды*». Большее количество лексических репрезентантов входит в АСК «*Служение правде*». Благодаря данным контекстам человек предстаёт перед нами как правдоискатель, который не только стремится найти правду, но и готов жить по правде, нести её людям, защищать правду, бороться за неё. Наиболее детализирована тема защиты правды. АСК «*Отступничество от правды*» с помощью использованных лексических средств развёртывается в нескольких направлениях: страх перед правдой, гонения на правду, равнодушие к ней (последнее представляется самым страшным для человека).

Использование слова *правда* в роли главного члена номинативных предложений создаёт в газетных материалах эффект экспрессивного анонсирования информации.

Каждой смысловой составляющей концепта «правда» в газетной публицистике соответствует система стилистических особенностей включения имени концепта в высказывание. Духовное богатство концепта «правда», су-

для по результатам предпринятого анализа, связано прежде всего со значением «правда совести».

Литература

1. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
4. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 467–499.
5. Лишаев С.А. «Правда» и «Истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 173–209.
6. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.
8. Шатуновский И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 31–38.
9. Абакумова О.Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. 2011. № 3. С. 5–14.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.

CONTEXTS WITH THE WORD *TRUTH* IN MODERN MEDIA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE CITY NEWSPAPER *KUZNETSKY RABOCHY*).

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 72–84. DOI 10.17223/19986645/28/7
 Pushkareva Irina A., Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation).
 E-mail: pia11@yandex.ru

Keywords: media discourse, newspaper and journalistic text, city newspaper, concept, semantic and stylistic features.

Modern regional media discourse offers three components of the concept: "truth of fact", "truth of thought" and "truth of conscience". Each semantic component has its semantic and stylistic specificity of having the concept's name in a statement, the usages of the concept are differentiated: 1) predicative usage of the concept's name, when the word *truth* becomes the bearer of the logical subject's true evaluation or of statement's substance; 2) usage of the word *truth* in the actant position; 3) solitary cases of usage of the word *truth* in a nominative sentence.

Predicative usage of the word *truth* is typical for contexts "truth of fact" and "truth of thought" and is realized in the models "logical subject – evaluative predicate", "statement – its true evaluation". In the semantic and stylistic realization of the first model the connection with pejorative contexts is especially important (including contexts with accusatory, revealing character). The regulative force of the model "logical subject – evaluative predicate" is connected with the effect of the referent's focusing; it increases when the pronoun *everything* is used. The second model is the most popular; it reflects the dialogism of the newspaper journalistic text: while expressing true evaluation the author does not only arrange semantic accents, but also underlines the sincerity of communication. The model "statement – its true evaluation" plays an important part in forming text cohesion. Constructions using connections with anaphoras are especially important in this case; statements telling a fact or a thought become the antecedent in them.

The word *truth* is used in the role of the actant in all these types of contexts: more rarely in the role of subject-neutral, in most cases – in the role of the object. Usage of the word *truth* as the object is very diverse, especially in the contexts of "truth of conscience". The contexts of "truth of thought" and "truth of conscience" in particular do not actualize the true, but the moral evaluation. Not knowing the

truth is estimated disapprovingly, while knowing it is a necessary condition for a moral judgment. The cliché *smotret' pravde v glaza (litso)* (to face the truth), which is most typical for the contexts of "truth of thought", plays the most important role among epistemic contexts. It is necessary to note the key semantic and stylistic role of the contexts of "truth of thought", in which statements including the word *truth* with the meaning of the object create two associative and semantic complexes: "*Service to the truth*" and "*Falling away from the truth*".

The usage of the word *truth* in the role of the principal part of nominative sentences creates an effect of expressive announcement of information in newspaper materials.

The system of stylistic features of including the concept's name in statements corresponds with every semantic component of the word *truth* in newspaper texts. The spiritual wealth of the concept "truth" by the results of the analysis is connected with the meaning "truth of conscience".

References

1. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [A new frequency dictionary of the Russian vocabulary]. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p.
4. Wierzbicka A. [Russian cultural scripts and their reflection in language]. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st.* [Key ideas of the Russian linguistic model of the world. Collected papers]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 467–499. (In Russian).
5. Lishaev S.A. "Pravda" i "Istina" (yazykovaya kontseptualizatsiya mira i tematicheskoye svoeyebrazie russkoy filosofii) ["A truth" and "the Truth" (language conceptualiation of the world and thematic originality of Russian Philosophy)]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*, 2006, no. 1 (4), pp. 173–209.
6. Mustayoki A. *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [Theory of functional syntax: from semantic structures to linguistic means]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2006. 512 p.
7. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The communicative grammar of Russian]. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN im. V.V. Vinogradova Publ., 2004. 544 p.
8. Shatunovskiy I.B. "Pravda", "istina", "iskrennost'", "pravil'nost'" i "lozh'" kak pokazateli sootvetstviya / nesootvetstviya soderzhaniya predlozheniya mysli i deystvitel'nosti ["A truth", "the Truth", "sincerity", "correctness" and "false" as indicators of compliance / non-compliance of the content of the sentence with the thought and the reality]. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 31–38.
9. Abakumova O.B. Problems of reference and inference of proverbs and role and reference grammar. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2011, no. 3, pp. 5–14. (In Russian)
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1973. 846 p.